

ЕЛИЗАВЕТА БУТА

ДУШЕГУБ

ИСТОРИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

МИХАСЕВИЧА

МОСКВА
2022

МИР
ГЛАЗАМИ
УБИЙЦЫ

«А ВАМ НИКОГДА НЕ ХОТЕЛОСЬ ПЕРЕСТАТЬ ЧУВСТВОВАТЬ? НАВСЕГДА ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЯРОСТИ, ГНЕВА И ПЕЧАЛИ? БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПЛАКАТЬ, НИКОГДА НИ К КОМУ НЕ ПРИВЯЗЫВАТЬСЯ? ПОЛАГАЮ, ЧТО В ТОТ ИЛИ ИНОЙ МОМЕНТ ЖИЗНИ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ОТДАЛ БЫ ВСЕ ЗА ЭТОТ НАБОР СУПЕРСПОСОБНОСТЕЙ. НАВЕРНОЕ, ПОЭТОМУ ТАК РАСПРОСТРАНИЛСЯ МИФ О ТОМ, ЧТО ПСИХОПАТЫ — ЭТО ЛЮДИ БЕЗ СТРАХА, БОЛИ И СОВЕСТИ».

ЕЛИЗАВЕТА БУТА,
психолог, писатель

«КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК — ПРЕСТУПНИК. НЕОПАСНЫЙ, КОНЕЧНО. СМОТРИШЬ НА ИНОГО, НУ ДО ЧЕГО ХОРОШИЙ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, А НА ДЕЛЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО МАТЬ ТОПОРОМ ЗАРУБИЛ, А ТРУП ВО ДВОРЕ СПРЯТАЛ... ОДНО НЕРАСКРЫТОЕ ДЕЛО БУДЕТ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ЗНАЧИТЬ ДЕСЯТОК НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ...»

М.К. ЖАВНЕРОВИЧ,
старший следователь

«МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ СТИЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ В КНИГЕ ЕЛИЗАВЕТЫ БУТА. ИНТЕРЕСНО БЫЛО СМОТРЕТЬ НА ПРОИСХОДЯЩЕЕ СО СТОРОНЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ, НЕВИННО ОСУЖДЕННЫХ И САМОГО МИХАСЕВИЧА. ТАКОЙ ФОРМАТ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАДУМАТЬСЯ О ТОМ, КАК МНОГОЛИКО И КАК БАНАЛЬНО БЫВАЕТ ЗЛО. ЧИТАЯ, НАЧИНАЕШЬ ЗАДАВАТЬСЯ ВОПРОСОМ: БЫЛ ЛИ МИХАСЕВИЧ ЕДИНСТВЕННЫМ АНТАГОНИСТОМ В ЭТОЙ ИСТОРИИ?»

ДАРЬЯ КРУПЕНЬКИНА,
автор тру-крайм подкаста «Ни разу не дворецкий»

ЕЛИЗАВЕТА БУТА

ДУШЕГУБ

ИСТОРИЯ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ

МИХАСЕВИЧА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б93

Разработка серии и дизайна переплета
Сергея Власова

Бута, Елизавета.

Б93 Душегуб. История серийного убийцы Михасевича / Елизавета Бута. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Мир глазами убийцы).

ISBN 978-5-04-160818-7

История самого опасного серийного убийцы СССР, написанная криминальным психологом. Геннадий Михасевич по праву считается одним из самых страшных серийных убийц в мире. Его жертв не объединяли ни возраст, ни телосложение, ни одежда. Иногда он душил руками, но иногда использовал для этого веревку или платок. Никто не мог себе представить, что это дело рук одного человека, невозможно было составить профайл преступника.

Итогом жизни убийцы стали 36 женщин и 14 невинно осужденных мужчин.

Что сделало его таким? Что он чувствовал в момент убийства? Как развивалось его расстройство, и почему его сознание начало меркнуть? Почему следствие допустило так много ошибок?

Читайте об этом в новом документальном триллере, основанном на материалах допросов и интервью с убийцей.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160818-7

© Елизавета Бута, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
1. В молчании	16
2. Лишний человек	34
3. Безупречная репутация	45
4. Призраки одиночества	66
5. Возвращение	74
6. Удушье	91
7. Лучеса	119
8. Ошибки	127
9. Приговор	158
10. «Это ничего, это правильно...»	190
11. Дело принципа	218
12. Убийца всегда рядом	235
13. Нужно с ним поговорить... ..	256
14. За измену – смерть	268
15. Тень чужих ошибок	284
16. «Когда меня услышат...»	300
Послесловие	306
Избранные источники	317

*Ищите место, где вас слушают и слышат,
ищите место, где вы нужны,
иначе рискуете закончить жизнь
в камере смертников¹.*

ПРОЛОГ

1985 г.

Минск

— Поедешь работать в какое-нибудь гиблое место, пусть там тебя слушают, — прокурор резко захлопнул папку с очередной жалобой на следователя по особо важным делам Николая Игнатовича.

Такие жалобы прокурору приходилось читать каждый день, и фамилия Игнатовича в них звучала слишком часто. Когда-то подающий большие надежды следователь так и не нашел способа взаимодействовать с системой. Как так вышло, что ответственный, въедливый и принципиальный Игнатович превратился в источник вечной головной боли Прокуратуры БССР? Пожалуй, даже сам следователь не смог бы ответить на этот вопрос. То и дело кто-то сверху предлагал повесить его по службе, но Игнатович, кажется, специально делал все воз-

¹ Фразу приписывают самым разным убийцам, но доподлинное авторство неизвестно.

можно, чтобы не получить новую должность. После того как он перешел на службу в Генеральную Прокуратуру, его регулярно посылали в различные командировки, из которых он приезжал, обычно нажив себе пару или тройку новых врагов.

— Потому что все должно быть по закону, — терпеливо и спокойно говорил он в ответ на любую претензию.

Начальство решило винить в плохом характере следователя сомнительное начало его карьеры на должности адвоката. Проработав несколько лет участковым и оперативником, он поступил на юрфак БГУ. Любопытно, кстати, что поступил он туда на общих основаниях, так как ему не удалось добиться от начальства направления, которое бы существенно могло облегчить процесс поступления.

После получения диплома, естественно с отличием, его отправили работать на несуществующую должность в несуществующее место. Три года по распределению он проработал адвокатом в поселке Бешенковичи. Все это время он помогал жителям деревни писать жалобы в облисполком на соседей, составлять заявления о разводе и, в редких случаях, консультировал несчастных матерей, когда их дети попадались на воровстве деталей с завода или яблок из совхоза. Как он ни старался, помочь таким матерям он не мог, и ему оставалось

только растерянно наблюдать за тем, как плачут эти женщины, ерзая на неудобном казенном стуле в сельской юридической консультации. Николай не знал, как себя вести в таких случаях. Утешать он не умел, он умел помогать, составлять прошения о пересмотре дела, о помиловании, об отправке дела на следствие, но все это почти в ста процентах случаев не давало никакого эффекта. В лучшем случае удавалось скостить пару лет. А женщины продолжали приходить и плакать, потому что, несмотря на тяжелый взгляд из-под бровей, каменное выражение лица и топорный казенный язык, женщины видели, что ему не все равно. И похоже, Игнатович был единственным человеком в их жизни, которому было не все равно.

Каким образом ему удалось добиться ссылки в Бешенковичи да еще на должность адвоката, никто так и не сказал, но, зная его характер, предположить было несложно. В очередной раз сказал, что «тут все одни идиоты», в какой-нибудь особенно изощренной форме.

Игнатович, кажется, даже не понимал, что, устраивая все эти дополнительные проверки, экстренные совещания и экспертизы, он просто в более деликатной, а следовательно, и в более обидной форме говорит всегда одно и то же: «Все вы тут одни идиоты, только я один умный и знаю, как должно быть по закону».

Возможно, следователь и не имел этого в виду, когда устраивал очередную проверку, но все воспринимали это именно так. Прогнорировать грамотно составленную бумагу было нельзя, но вот устроить массу проблем человеку, который ее составил, было вполне под силу любому, даже самому незаметному и незначительному начальнику.

Раз за разом, независимо от результатов проверок, он оказывался в очередной ссылке в медвежьем углу на пару лет, пока вдруг кто-то не замечал его въедливую настойчивость и педантичность и не начинал проталкивать вверх по карьерной лестнице.

За несколько лет службы в прокуратуре он проработал, кажется, во всех подразделениях, пока не был направлен в отдел по особо тяжким преступлениям, самый почетный и уважаемый отдел, по мнению самого отдела. Теперь Игнатович занимался тем, что ему действительно было интересно: громкими и резонансными делами, которые можно было отправлять на доследование, а иногда даже удавалось добиться пересмотра приговора.

Карьера честного следователя шла в гору целых пять лет подряд, вплоть до 1981 года. В какой-то момент его даже направили в группу, расследовавшую гибель в автокатастрофе Первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова.

10 Вполне понятное дело, в котором не было

какого-то двойного дна. Проблема заключалась в том, что погиб крупный чиновник, а участниками аварии стали машина ГАИ и грузовик «МАЗ». Никому не хотелось, чтобы виновными признали сотрудников ГАИ, но замаять гибель такого видного человека было невозможно. Дотошный и внимательный Игнатович по секундам восстановил аварию и благополучно закрыл дело, моментально превратившись в «одного из лучших следователей страны». Любой человек, желающий построить карьеру, решил бы отойти от «работы в поле» и начал бы зарабатывать звездочки на погонах. Теперь уже все ждали от Игнатовича именно этого, слишком высоко ему удалось запрыгнуть в этот успешный период карьеры, но проблема Игнатовича заключалась в том, что «все должно быть по закону». Ему было неинтересно заниматься собственной карьерой, намного интереснее было расследовать дела и защищать невиновных от неумолимой машины правосудия. Сомнительный старт карьеры давал о себе знать.

Осенью 1985 года Игнатовичу должно было исполниться сорок пять лет, его карьера близилась к концу, а количество людей, которые были заинтересованы в ее досрочном завершении, с каждым днем только возрастало.

— Что за гиблое место? — поинтересовался Игнатович у прокурора, глядя своим тяжелым

взглядом из-под бровей, благодаря которому следователя побаивались не только осужденные, но и коллеги.

— Под Витебском пропадают девушки, несколько случаев за полгода, — пояснил начальник Игнатовича. — Дело вел твой давний знакомый, — главный прокурор республики замолк в ожидании реакции следователя.

Игнатович вопросительно посмотрел на начальника, а потом молча кивнул.

— Разрешите идти?

Всем было понятно, что для Игнатовича это шанс отомстить старому лису, доказать свою правоту и защитить невиновных. Свою карьеру ему уже все равно было не спасти. Да и плевать он на нее хотел. Никаких особенно больших денег повышение в должности ему не сулило. С женой он развелся несколько лет назад. Детей не было. Единственное, что для него сейчас представляло ценность, так это возможность раскрыть дело, доказать себе, что за несколько лет на задворках жизни он еще не разучился работать.

На следующий день следователь Николай Игнатович прибыл в Витебск. Низкие, припорошенные снегом домики утопали в вечном зимнем сумраке, который обычно опутывает город где-то в ноябре и ослабляет хватку только к апрелю. Этот город Игнатович любил еще с первых дней своей работы в должности

адвоката. Деревня Бешенковичи располагалась всего в пятидесяти километрах от Витебска, поэтому именно сюда приходилось ездить отчитываться перед начальством, подавать заявления о пересмотре дел и жалобы от местных жителей. Город не так сильно пострадал от войны, тут еще сохранились старинные и ветхие домики. В них располагались коммунальные квартиры, поэтому местные жители терпеть не могли эти дома из-за отсутствия мусоропровода, лифта и перебоев с горячей водой, но вот вид города эти небольшие особняки украшали, превращая Витебск в совершенно особенное место.

Облисполком Витебска располагался в большом старинном здании в центре города. Следователь бывал здесь очень много раз еще в бытность работы адвокатом, да и потом не раз приезжал сюда по самым разным делам, поэтому прекрасно знал, где тут и что расположено. Даже уборщицу, которая ему встретилась на пути к начальнику УВД области, он узнал. Единственное, что здесь более или менее часто менялось, так это таблички с именами на кабинетах. Имя нынешнего начальника УВД Игна-

— Под Витебском пропадают девушки, несколько случаев за полгода, — пояснил начальник Игнатовича. — Дело вел твой давний знакомый, — главный прокурор республики замолк в ожидании реакции следователя.

товичу было хорошо знакомо, им оказался Мечислав Гриб, который несколько лет был начальником Управления охраны общественного порядка МВД БССР. Судя по слухам, сюда его сослали как раз из-за дела о пропадающих девушках.

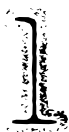
— Следователь по особо важным делам Игнатович прибыл для организации помощи в деле о пропавших без вести женщинах в окрестностях Витебска, — с порога начал рапортовать он.

Мечислав Гриб принял Игнатовича хорошо. Обычно, когда приезжаешь куда-то «для помощи в расследовании», тебя воспринимают в штыки, но Гриб сам был новым человеком, он знал о деле не больше Игнатовича и ничью честь мундира не защищал, по крайней мере пока.

— Мне важно разобраться с этим делом, Николай, — сказал Мечислав Гриб, когда Игнатович уже собирался уходить. — Если вам понадобятся какие-то ресурсы, обращайтесь.

Следователь кивнул. В его ведении теперь была большая оперативно-разыскная группа, которую можно было занять работой по делу. Это грозило месяцами кропотливой работы с архивом, возобновлением давно закрытых дел, по которым уже были вынесены приговоры, но Мечислав Гриб ясно дал понять, что не боится гнева начальства. Ему важно было

раскрыть это дело, и единственным человеком, который не сгибался в поклоне при упоминании фамилии «советского Мегрэ» Жавнеровича, был этот мрачный следователь с сомнительной репутацией. Впервые в жизни Николая Игнатовича слышали и слушали, и сейчас он чувствовал, что в его власти сделать действительно что-то важное. Впервые на него обратили внимание.

В МОЛЧДАНИИ

1947–1958 гг.

Деревня Ист. Витебская область

Геннадий Михасевич родился 7 апреля 1947 года в обычной семье сотрудников совхоза деревни Ист Миорского района. Они были среднестатистической семьей, которая жила не лучше и не хуже остальных. По крайней мере, так все считали. Отец и мать Геннадия трудились в совхозе, а это значило, что на работу им приходилось вставать еще до рассвета, а заканчивался их рабочий день уже к обеду. Вечером отец уходил куда-то, чтобы вернуться в изрядном подпитии, а мать, тихая и безответная женщина, в это время занималась детьми.

Гена был младшим из пятерых детей и с юных лет усвоил, что чем меньше он выделяется, тем лучше для него. Братья и сестры никогда не замечали младшего и не брали в свои игры. Разница в возрасте не позволяла, да и неинтересно было. Мать всегда добросо-

вестно исполняла все свои обязанности, но казалось, что к пятому ребенку ей стало безразлично воспитание детей. С этим намного лучше справлялись государственные организации. Отца же в семье все боялись, так как перепады его настроения сложно было спрогнозировать. Когда мужчина был пьян, все в доме прятались по углам. Детей он бил, только если они попадались под горячую руку, а вот мать семейства получала каждый раз. Казалось, мужчина винит ее во всех проблемах в жизни.

Модест Михасевич не служил во времена войны, так как не подошел ни по возрасту, ни по здоровью. В целом же семье Михасевичей повезло так, как не повезло большинству семей в БССР. Все они выжили во времена войны, оккупации, голода, сожжения изб с евреями и других ужасов войны. Они благополучно пережили голодные послевоенные годы, а в 1947 году у них даже появилось прибавление в семействе. Казалось, жизнь сложилась и... закончилась.

В годы войны все поголовно курили табак и выпивали «фронтовые сто грамм», независимо от того, на фронте они или нет. Этот минимум помогал справиться с перманентным страхом за свою жизнь. Модест Михасевич так и не смог избавиться от этих привычек. Водка стала спасать его не только от бомбардировок и голода, она стала помогать ему справляться с семей-

ными проблемами, неудачами на работе да и просто с жизнью. Старшие братья и сестры Гены еще помнили отца, который мог выйти с ними во двор и поиграть, дать пару советов и даже разрешить поводить трактор (такое, правда, случалось нечасто). Гена запомнил уже другого отца.

Старший Михасевич превращался в настоящего зверя, стоило ему выпить хотя бы стопку водки. Его глаза наливались кровью, он буквально искал человека, на которого можно будет излить всю ненависть к миру. И, надо признать, он всегда находил. Часто он изливал свой гнев на собутыльников, из-за чего его пару раз даже пытались уволить, но в послевоенные годы мужчины были на вес золота, а уж человек, разбирающийся в технике, ценился втрое. Чаще, впрочем, он приходил домой и изливал свой гнев на жену. Достаточно было укоризненного взгляда, неловкого жеста или случайной фразы, чтобы мужчина начал орать на нее и раздавать затрещины. Наутро женщине приходилось искать способ скрыть синяки и ссадины с помощью косынки или кофты с длинными рукавами. Дети обычно старались убежать из дома в такие моменты, но несколько раз Гена не успевал выбежать во двор до прихода отца и прятался под столом или на печи. Пьяный Модест не смотрел по сторонам, его интересовала жена. Завидев ее,

он резко хватал ее за шею, говорил что-то, а затем насиловал.

Эти сцены, увиденные в возрасте лет двух-трех, навсегда остались в его памяти. Они что-то переменили в нем. Мальчик был привязан к матери, испытывал острое желание защитить ее каждый раз, когда на нее напал отец, но вместе с тем стал испытывать к ней некоторую брезгливость. Она стала ассоциироваться с чем-то грязным и недостойным. Этому чувству способствовал и отец, который весьма специфически относился к женщинам.

— ...Они, как животные, ищут себе самца получше, а потом сравнивают. Их нужно держать в узде, как скотину... — любил говорить Модест, будучи в относительно трезвом и добром расположении духа. Мужчина считал, что так делится мудростью с сыновьями.

Время шло, и дети Михасевичей росли. Все они ходили в ближайшую к дому сельскую школу, в которую определили и Гену. Тихий, незаметный мальчик превратился в такого же тихого и незаметного ученика, сидящего за самой последней партой возле окна. Он

Эти сцены, увиденные в возрасте лет двух-трех, навсегда остались в его памяти. Они что-то переменили в нем. Мальчик был привязан к матери, испытывал острое желание защитить ее каждый раз, когда на нее напал отец, но вместе с тем стал испытывать к ней некоторую брезгливость.
